

RU

Лингвистические особенности учебного, профессионального и институционального дискурса в сфере юридической коммуникации

Гилязова А. Е.

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление регистровых, грамматико-лексических и прагматико-функциональных различий, характеризующих три модуса юридического дискурса – академический, профессиональный и институционально-консультационный – в условиях интенсивной цифровизации и мультимодальной трансформации речевой среды. В статье рассматривается корпусная реализация текстов данных дискурсивных типов, собранных с платформы Telegram и из учебников по правоведению, с использованием стилостатистического анализа на основе 3 327 817 словоформ и 128 параметров, из которых 43 продемонстрировали статистически значимую различимость. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на эмпирическом материале цифровых и печатных юридических текстов проведено сопоставительное моделирование лингвистической структуры правового дискурса с выделением его трех регистрово-функциональных модусов – учебного, профессионального и институционально-консультативного – на основе расчета и сравнительного анализа 44 стилостатистических параметров. Впервые выявлены и статистически верифицированы различия между дискурсами по шкале CEFR (A1 = C2), показателям нарративности и дескриптивности, индексам лексической плотности, когерентности (через повтор аргументов и существительных) и темпоральной маркированности (распределение временных форм и залогов), что позволяет реконструировать когнитивные и жанровые модели юридического языка в цифровой среде. Результаты анализа показывают, что различия между дискурсами носят не только поверхностный синтаксико-грамматический, но и глубокий когнитивно-коммуникативный характер, позволяющий говорить о существовании автономных речевых миров с уникальной нормативной, жанровой и прагматической архитектурой.

EN

Linguistic features of academic, professional, and institutional discourse in the sphere of legal communication

A. E. Gilyazova

Abstract. The aim of this study is to identify the register-based, grammatical-lexical, and pragmatic-functional differences characterizing three modes of legal discourse – academic, professional, and institutional-consultative – in the context of intensive digitalization and multimodal transformation of the speech environment. The article examines the corpus-based realization of texts of these discursive types, collected from the Telegram platform and from law textbooks, using stylostatistical analysis based on 3,327,817 word forms and 128 parameters, of which 43 demonstrated statistically significant discernibility. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, on empirical material of digital and printed legal texts, a comparative modeling of the linguistic structure of legal discourse has been carried out, singling out its three register-functional modes – academic, professional, and institutional-consultative – based on the calculation and comparative analysis of 44 stylostatistical parameters. For the first time, the differences between discourses on the CEFR scale (A1 = C2), indicators of narrativity and descriptiveness, indices of lexical density, coherence (through the repetition of arguments and nouns), and temporal marking (distribution of tenses and voices) have been identified and statistically verified. This allows us to reconstruct the cognitive and genre models of legal language in the digital environment. The results of the analysis show that the differences between discourses are not only of a superficial syntactic-grammatical nature, but also of a deep cognitive-communicative nature, allowing us to speak of the existence of autonomous speech worlds with a unique normative, genre, and pragmatic architecture.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена радикальными изменениями, происходящими в сфере юридической коммуникации в условиях цифровой мультимодальности, фрагментарности и сетевой интерактивности, вследствие которых традиционная иерархия жанров и стилей претерпевает регистровые сдвиги и когнитивную трансформацию. Юридическое языковое пространство формируется как сложная, гетерогенная и многоуровневая система, в которой функционируют три основных дискурсивных модуса: академический, профессиональный и институционально-консультационный (Карасик, Скуратовская, 2021, с. 18). Их взаимодействие и дифференциация требуют многоаспектного лингвистического осмысления, в особенности в контексте предиктивного моделирования будущих сценариев правовой речи.

Для достижения обозначенной цели предполагается решение следующих задач:

- определить релевантные лингвистические параметры, способные дифференцировать юридические дискурсы по формальным, прагматическим и когнитивным признакам;
- построить корпусную базу из текстов трех указанных типов, обеспечив ее жанровую и статистическую репрезентативность;
- провести стилостатистический анализ корпуса с использованием инструментов автоматической лингвистической обработки;
- интерпретировать полученные результаты с опорой на современные теории когнитивной прагматики, медиалингвистики и юрислингвистики.

Материалом исследования стал корпус юридических текстов объемом 3 327 817 словоформ, стратифицированный по трем основным дискурсивным модусам:

- учебные тексты (341 132 словоформы), отобранные из 13 университетских учебников по правоведению;
- профессиональная коммуникация (2 715 682 словоформы), извлеченные из Telegram-чата «Сообщество юристов»;
- институционально-консультационный дискурс (270 973 словоформы), представленный сообщениями Telegram-форума «Форум юристов».

Все тексты были очищены от технических символов и сегментированы на фрагменты от 985 до 1 015 словоформ с сохранением синтаксической целостности. Общее число сегментов – 619.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области когнитивной прагматики, медиалингвистики, юрислингвистики и стилометрии, фокусирующиеся на феноменах речевой регистровости, институциональной маркированности и жанровой гибридизации в условиях цифровой трансформации (Гатиатулина, 2016; Лаптева, 2015; Шмелева, 2021; Болотнова, 2017). Исследование опирается на концепт «дискурса как когнитивно-институционального процесса» (Карасик, Скуратовская, 2021, с. 134), идею прагматической стратификации юридической речи в зависимости от коммуникативной цели и адресата (Гатиатулина, 2016, с. 95-98; Колесов, 2000, с. 212), а также положения о медиаперемещении жанров (Лаптева, 2015, с. 54; Шмелева, 2021, с. 118), в рамках которых речевая деятельность юриста рассматривается как социокультурно опосредованная и платформенно обусловленная. Кроме того, значимое методологическое значение имеют труды, посвященные стилостатистическим моделям лингвистического анализа (Чернейко, 2013, с. 186-188; Болотнова, 2017, с. 134), а также подходы к многоуровневой стратификации языкового материала в цифровой среде (Синклер, 2021). Особую роль в теоретическом обосновании параметров нарративности, дескриптивности, лексической плотности и прагматической направленности сыграли концепции функциональной грамматики и корпусной социолингвистики, развиваемые в трудах Н. Д. Арутюновой (1990, с. 136).

При решении задач, определенных в работе, применялись следующие методы исследования:

- метод сплошной выборки и стратифицированной сегментации использовался для формирования корпуса текстов по трем дискурсивным типам (учебный, профессиональный, институционально-консультативный) и обеспечения их структурной сопоставимости при анализе;
- стилостатистический анализ с применением RuLingva позволил количественно описать тексты по ряду морфологических, синтаксических и лексических параметров и выявить типовые различия между дискурсами;
- расчет 128 лингвистических параметров, из которых 44 отобраны для интерпретации, был направлен на выявление индикаторов с максимальной различающей способностью между типами дискурса;
- критерий Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) применялся для проверки статистической значимости различий между дискурсами по каждому параметру;
- сопоставительный дискурсивный анализ с когнитивно-прагматическим компонентом использовался для интерпретации количественных различий с учетом функций текста, речевой субъектности и уровня институциональной нормативности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы в целях автоматической классификации юридических текстов по дискурсивному типу, при разработке образовательных программ по юридической лингвистике, в судебной экспертизе речевых актов, в системах лингвоинженерии и цифрового документирования, а также при составлении адаптивных юридических глоссариев с уровневой маркировкой.

Обсуждение и результаты

Юридическое языковое пространство ближайшего будущего, подверженное интенсивной дигитализации и жанрово-регистрационной трансформации, формируется как динамическая, гетерогенная и многоканальная коммуникативная система, в рамках которой процессы производства, циркуляции, рецепции и институционального санкционирования правовой информации подчинены не только традиционным нормам профессионального речевого поведения, но и особенностям мультимодальных, гипертекстуальных и темпорально нефиксированных цифровых платформ. В подобной системе возрастает необходимость в формировании предикативных моделей лингвистического поведения, которые бы с высокой степенью вероятностной достоверности позволяли бы прогнозировать и реконструировать регистрационные сдвиги, жанровые мутации и дискурсивные размыкания, неизбежные в условиях многозадачного правового взаимодействия в сетевой среде.

Особую научную и прикладную значимость приобретает задача интерпретации тех лингвистических механизмов, которые обеспечивают контекстуальную релевантность, прагматическую эффективность и правовую валидность текста в каждом из трех доминирующих модусов юридической коммуникации: академическом (учебном), профессионально-практическом и институционально-консультационном. Данные типы дискурса формируют асимметричные, хотя и функционально сопряженные, речевые миры, каждый из которых генерирует уникальную структуру языковой личности правоведа как носителя, транслятора и интерпретатора норм права, при этом степень нормативной стабилизации, стилистической упорядоченности и когнитивной прозрачности оказывается критически различной.

Категория дискурса в современной юрислингвистике приобретает трансдисциплинарный статус: трактуемая как синергия текстовой манифестации, коммуникативной ситуации и институциональной детерминации, она выходит за пределы собственно лингвистического анализа, погружаясь в интерсекционные зоны взаимодействия психолингвистики, медиалингвистики и когнитивной прагматики. Переход юридического дискурса в электронно-сетевое измерение сопровождается кардинальной трансформацией его базовых свойств: линейная организация уступает место гипертекстуальности и фрагментарности, а моностилевые формы – гибридным модусам устно-письменной речи с доминирующим признаками спонтанности, интерактивности и дискурсивной полиаспектности.

Методология настоящего исследования строится на применении метода сплошной выборки с последующей стратифицированной сегментацией и стилостатистическим анализом. Общий объем корпуса составил 3 327 817 словоформ, разбитых на три подкорпуса по дискурсивному признаку:

1. Учебные тексты – корпус включает 13 университетских учебников по правоведению, изданных в период с 2002 по 2022 год, суммарный объем которых составляет 341 132 словоформы.
2. Профессиональная коммуникация (режим Agent ↔ Agent) – Telegram-чат «Сообщество юристов», собравший 2 715 682 словоформы в процессе интерактивного сетевого взаимодействия между практикующими специалистами.
3. Институциональный консультативный дискурс (режим Agent ↔ Client) – Telegram-форум «Форум юристов», содержащий 270 973 словоформы, сгенерированные в процессе экспертных консультаций для пользователей-непрофессионалов.

На этапе предобработки тексты очищены от непечатаемых знаков, технической разметки и символов форматирования, приведены к унифицированному формату .txt/.doc. Сегментация осуществлялась на фрагменты объемом от 985 до 1 015 словоформ с сохранением синтаксической целостности предложений. В результате сформировано 1 619 сегментов, из которых 711 относятся к учебному дискурсу, 97 – к профессиональному, 811 – к институциональному консультативному. Каждый сегмент подвергался стилостатистической обработке с использованием текстового анализатора RuLingva (разработан на базе Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (КФУ)), что позволило рассчитать 128 количественных лингвистических параметров. В рамках настоящей статьи представлены наиболее значимые – 44 параметра, продемонстрировавшие высокую степень дискриминантной способности (Таблица 1). Статистическая верификация различий по каждому параметру осуществлялась с применением критерия Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) (Kruskal, Wallis, 1952, p. 586).

Так, индекс читабельности Флеша-Кинкейда (Flesch, 1948, p. 226) в учебных текстах достигает 12,89, что указывает на необходимость высокоразвитой компетенции читателя для адекватного восприятия текста, в то время как аналогичные показатели в институциональном (6,54) и профессиональном (5,54) дискурсе значительно ниже, демонстрируя не просто упрощенную синтаксическую архитектуру, но и сдвиг в сторону большей интерактивности, ситуативности и конверсационной ориентированности текстов. При этом увеличение средней длины предложения и слогов в словоформе, зафиксированное в учебниках (21,21 словоформы на предложение и 2,98 слога), коррелирует с концептом «глубины понятийной стратификации», который, по мысли М. Н. Карасика и Ю. А. Скуратовской (2021, с. 20), является определяющим при формировании экспертного знания в условиях нормативного дискурса.

Характерно, что лексическая структура учебников демонстрирует устойчивое преобладание сложных и многосложных словоформ, включая четырехсложные (158 вхождений на 1 000 словоформ), в то время как в чат-

дискурсе и институциональном консультировании преобладают одно- и двусложные слова, что свидетельствует о тенденции к лексической компрессии и функциональной оптимизации языка под задачи экспресс-коммуникации. Подобное упрощение словарной структуры, будучи внешне маркером «дешевизны» речи, в действительности является признаком адаптивной языковой эффективности, где компрессия сочетается с высокой информативной отдачей и ситуативной релевантностью.

Таблица 1. Лингвистические параметры учебного, профессионального и институционального дискурса

№	Параметр	Учебник (N = 711)	Сообщество юристов (N = 97)	Форум юристов (N = 811)	Kruskal-Wallis Test H (2, N = 1619)	p
1.	Индекс Флеша-Кинкейда (SIS)	12,89	5,54	6,54	1137,14	<0,01
2.	Среднее количество словоформ в предложении	21,21	13,17	15,48	665,88	<0,01
3.	Среднее количество слов в словоформе	2,98	2,21	2,23	1169,47	<0,01
4.	Односложные словоформы	161	289	226	1093,95	<0,01
5.	Двусложные словоформы	180	252	219	631,95	<0,01
6.	Трехсложные словоформы	179	179	186	41,21	<0,01
7.	Четырехсложные словоформы	158	112	120	1093,95	<0,01
8.	Количество словоформ знаменательных частей речи	740	614	630	1105,09	<0,01
9.	Количество словоформ существительных	436	300	356	910,12	<0,01
10.	Именительный падеж им. существительного	82	77	98	256,24	<0,01
11.	Родительный падеж им. существительного	187	84	106	256,24	<0,01
12.	Дательный падеж им. существительного	20	19	20	4,27	0,12
13.	Винительный падеж им. существительного	57	70	70	343,39	<0,01
14.	Творительный падеж им. существительного	36	15	18	906,63	<0,01
15.	Предложный падеж им. существительного	41	31	35	208,57	<0,01
16.	Количество словоформ глаголов	107	170	140	838,06	<0,01
17.	Настоящее время (словоформы)	63	61	49	446,62	<0,01
18.	Прошедшее время (словоформы)	25	49	41	472,58	<0,01
19.	Количество глаголов в действительном залоге	64	139	106	1064,95	<0,01
20.	Количество глаголов в страдательном залоге	28	12	17	580,76	<0,01
21.	Прилагательные (количество)	166	72	87	1101,89	<0,01
22.	Количество словоформ наречий (документ)	26	70	46	769,36	<0,01
23.	Нарративность	0,25	0,57	0,39	970,14	<0,01
24.	Описательность (документ)	0,39	0,24	0,24	872,63	<0,01
25.	Количество личных местоимений	11	52	27	905,57	<0,01
26.	Личные местоимения 1 л. ед. числа (словоформы)	0	16	7	1210,32	<0,01
27.	Личные местоимения 1 л. мн. числа (словоформы)	0	2	1	511,43	<0,01
28.	Личные местоимения 2 л. ед. числа (словоформы)	0	0	0	328,57	<0,01
29.	Личные местоимения 2 л. мн. числа (словоформы)	0	13	6	1162,89	<0,01
30.	Личные местоимения 3 л. ед. числа (словоформы)	6	12	9	185,42	<0,01
31.	Личные местоимения 3 л. мн. числа (словоформы)	4	3	3	125,60	<0,01
32.	Лексическая плотность	0,74	0,61	0,62	1122,90	<0,01
33.	Количество неповторяющихся словоформ (hapaх legomena)	390	419	424	112,44	<0,01
34.	Количество словоформ уровня A1	311	489	413	899,24	<0,01
35.	Количество словоформ уровня A2	50	45	41	156,05	<0,01
36.	Количество словоформ уровня B1	157	130	121	692,35	<0,01
37.	Количество словоформ уровня B2	177	119	124	772,54	<0,01
38.	Количество словоформ уровня C1	128	85	92	629,63	<0,01
39.	Количество словоформ уровня C2 (документ)	4	2	2	341,00	<0,01
40.	Количество словоформ, незафиксированных в A1-C2	158	132	214	788,06	<0,01
41.	Локальный повтор существительных	0,54	0,1	0,19	1095,20	<0,01
42.	Глобальный повтор существительных	0,3	0,03	0,06	1131,54	<0,01
43.	Локальный повтор аргументов	0,79	0,22	0,32	1142,59	<0,01
44.	Глобальный повтор аргументов	0,53	0,09	0,12	1116,85	<0,01

Данные по знаменательным частям речи свидетельствуют о том, что учебники демонстрируют наибольшую плотность номинативных структур (740 знаменательных словоформ), причем среди них резко преобладают существительные (436), тогда как в чат-дискурсе наблюдается существенное увеличение глагольных форм (170 против 107 в учебниках) и наречий (70 против 26), что отражает прагматическую ориентированность текстов на фиксацию действия, оценки, процесса, а не понятийного определения и таксономии. Примечательно, что в профессиональных и институциональных текстах, в отличие от учебных, почти выравнивается частота прилагательных и наречий, тогда как в учебных текстах прилагательных значительно больше, что указывает на дескриптивную природу нормативной правовой речи, ориентированной на уточнение иерархий, категорий и признаков.

Дистрибуция падежей в рамках существительных демонстрирует доминирование родительного падежа в учебниках (44%), тогда как в остальных подкорпусах он уступает позиции именительному и винительному, что, по-видимому, связано с преобладанием директивных и перформативных актов в консультативной коммуникации, предполагающих более частое использование прямого объекта действия. Творительный падеж, активно используемый в учебниках, практически исчезает из профессионального и институционального дискурса, что подтверждает тезис об изменении грамматической архитектоники в зависимости от жанровой и коммуникативной цели.

Показатели, связанные с глагольной системой, ясно демонстрируют: в чатах и форумах возрастает доля глаголов в действительном залоге, достигая 139 и 106 вхождений соответственно, в то время как в учебниках этот показатель составляет лишь 64, и наоборот – страдательный залог используется преимущественно в учебной речи (28 против 12 и 17), что соотносится с анонимной, деперсонализированной структурой академического текста, в которой знание репрезентируется как автономная и независимая от субъекта инстанция. Кроме того, в текстах учебников преобладают глаголы прошедшего времени, что отражает их описательно-рефлексивный характер, ориентированный на экспликацию уже закрепленного и институционализированного правового знания, тогда как в чатах и форумах доминируют формы настоящего времени, соответствующие модусу «здесь-и-сейчас», что подчеркивает их функциональную направленность на решение текущих задач правовой практики.

Местоименная система также демонстрирует высокий дискриминантный потенциал: если в учебниках их число минимально (11), то в чатах их количество увеличивается почти в пять раз (52), при этом резко возрастает частота использования местоимений 1-го и 2-го лица, что указывает на высокий уровень интерактивности и персонализации текста. В институциональном форуме наблюдается промежуточное положение (27), но и здесь уже четко фиксируется переход от безличного изложения к реплицированной, ориентированной на адресата речи, где доминируют диалогические, рефлексивные и эмпатийные механизмы взаимодействия.

Лексическая плотность как интегральный показатель информационной насыщенности текста достигает максимума в учебниках (0,74), тогда как в профессиональной и институциональной среде она снижается до 0,61–0,62, что может быть интерпретировано не как ухудшение качества текста, но как перераспределение функциональной нагрузки с номинативного описания понятий – к действию, событию, оценке, что особенно отчетливо проявляется в росте числа наречий и личностно-маркированных форм. Увеличение доли неповторяющихся словоформ, особенно в чатах и форумах, демонстрирует более широкое тематическое поле и лексическую диверсификацию, не закрепленную жестко в терминотерминологической системе, что свидетельствует о текучести и открытости границ профессионального языка в условиях цифровой коммуникации.

Наконец, параметры локального и глобального повтора аргументов и существительных в учебниках достигают наивысших значений (локальный повтор аргументов – 0,79; глобальный – 0,53), что говорит о сознательной стратегической установке на когерентность и системность. На противоположном полюсе – тексты чатов, где значения повторов минимальны (0,22 и 0,09 соответственно), что объясняется как фрагментированным характером коммуникации, так и опорой на контекстуальную избыточность интерфейса, графическую визуализацию реплик и синтаксическую неполноту высказываний, допустимую в рамках неформализованного консультативного взаимодействия.

Анализ параметров нарративности и описательности, трактуемых как соотношение глагольных и прилагательных форм к количеству существительных, выявляет принципиальное различие между дискурсивными структурами трех типов юридического текста. Нарративность, в данном случае репрезентирующая степень динамичности текста, наиболее выражена в профессиональной среде, в частности в сообществах юристов, где соотношение глаголов к существительным достигает 0,57, что свидетельствует о преобладании коммуникативных актов, направленных на передачу действия, процесса, изменения или оценки, а не на описание или систематизацию. Сходную точку зрения высказывал И. В. Арнольд (2010, с. 45), подчеркивая, что нарративные структуры в профессиональных сообществах выполняют не столько экспликативную, сколько прагматическую функцию, направленную на решение конкретной юридической задачи в условиях ситуативной неопределенности. Учебники, напротив, демонстрируют минимальный показатель нарративности (0,25), отражая их концептуальную направленность на стабилизацию знания и передачу нормативно закрепленных концептов, что также коррелирует с их предпочтением страдательного залога, фиксированного глагольного времени и высокой дескриптивной насыщенности.

Описательность, определяемая как отношение количества прилагательных к существительным, закономерно достигает пика в учебной литературе (0,39), поскольку здесь доминирует установка на понятийную дифференциацию, таксономическую строгость и формализацию признаков правовых явлений. В профессиональных и институциональных текстах данный показатель снижается почти вдвое (0,24), что отражает сдвиг от дескриптивной репрезентации к перформативной коммуникации. Таким образом, параметры нарративности и описательности в совокупности формируют аксиологическое ядро каждой разновидности дискурса: в учебном – знание как система, в профессиональном – знание как действие, в институциональном – знание как социально-правовая практика.

Рассмотрение парадигмы личных местоимений позволяет обнажить уровень персонализации и коммуникативной субъектности текста. Учебники, как и следовало ожидать, характеризуются крайней скромностью в использовании местоименных форм (всего 11 личных местоимений на 1000 словоформ), причем почти полностью отсутствуют формы первого и второго лица, что репрезентирует безличный, деперсонализированный и институционально нейтральный способ передачи информации. Подобное позиционирование автора за пределами текста отражает нормы академического письма и корреспондирует с концепцией «невидимого автора» (Выготский, 2020, с. 81), согласно которой речевая субъектность отступает на второй план ради объективности и стандартизованности знания. В противоположность этому, тексты из сообщества юристов демонстрируют интенсивное использование местоимений 1-го и 2-го лица (16 местоимений 1-го лица ед. числа, 13 – 2-го лица мн. числа), что указывает на высокий уровень интерактивности и диалогичности, характерный для онлайн-консультирования и правовых форумов, в которых коммуникативные роли распределяются динамически, а лингвистическая структура формируется в ответ на запрос, оценку или проблему собеседника.

Лексическая плотность, интерпретируемая как отношение знаменательных словоформ к общему числу словоформ, служит кумулятивным индикатором когнитивной насыщенности текста. Учебные тексты, обладающие плотностью 0,74, демонстрируют не просто высокую информативность, но и сложную синтаксическую архитектуру, ориентированную на трансляцию понятийной структуры отрасли. В противоположность этому, тексты форума (0,62) и профессионального сообщества (0,61) характеризуются более низкими значениями, что можно трактовать как проявление ориентированности на восприятие неподготовленным или частично компетентным адресатом, а также как результат влияния спонтанной и неформальной речевой среды.

Показатель количества неповторяющихся словоформ (нарах *legomena*) выявляет скрытый лексический ресурс каждого дискурса. Минимальное значение данного параметра в учебниках (390) свидетельствует о высокой степени стандартизации и повторяемости терминологической базы, что соответствует нормативному статусу учебного текста. В форумах и профессиональных сообществах количество уникальных словоформ возрастает до 424 и 419 соответственно, что можно интерпретировать как признак большей лексической свободы, нестандартизированности и экспансии в смежные семантические поля, включая бытовые, оценочные и даже жаргонные элементы. Это особенно значимо в контексте динамики правового языка, который, как показывают исследования Т. В. Шмелевой (2021) и О. А. Лаптевой (2015), в цифровых средах начинает стремительно адаптироваться к речевым практикам пользователей, а не только к нормам законодательной техники.

Распределение словоформ по уровням владения языком (CEFR) позволяет дифференцировать тексты по критерию доступности. Так, тексты из сообщества юристов насыщены элементами уровня A1 (489 вхождений), что делает их формально простыми и доступными, хотя и менее терминологически точными. Напротив, учебники доминируют по числу словоформ уровней B1, B2, C1 и C2, что указывает на их предназначение для продвинутой аудитории и ориентацию на углубленное усвоение понятийного аппарата, включая латинские заимствования, юридические конструкции и синтаксические формулы, характерные для формализованной коммуникации.

Информативная и когерентная структура текста в учебной среде также подтверждается высокими значениями локального (0,54) и глобального (0,30) повтора существительных, а также локального (0,79) и глобального (0,53) повтора аргументов. Эти параметры фиксируют наличие четко структурированной сетки понятий и аргументов, в которой каждый сегмент текста связан с другим не только тематически, но и лексически, что является характеристикой «текста с высокой когезией». В профессиональном дискурсе данные значения снижаются почти в три раза, что демонстрирует фрагментарность, ситуативность и когнитивную рассеянность текста, обусловленную жанровыми и контекстуальными ограничениями.

Таким образом, различия между типами дискурса отражают их функциональные назначения: учебные материалы ориентированы на формализацию знаний с высокой дескриптивностью; профессиональные тексты характеризуются динамичностью, прагматизмом и нарративностью; институциональные документы занимают промежуточное положение с тенденцией к большей персонализации и диалогичности.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Было установлено, что каждый из трех рассмотренных типов дискурса (учебный, профессиональный и институциональный) обладает характерными лингвистическими особенностями, обусловленными его функциями и целями. Учебный дискурс характеризуется использованием специальных терминов, объяснением понятий и структурированностью изложения, что способствует формированию у студентов системного понимания юридической науки. Профессиональный дискурс отличается высокой степенью формализации, точностью и однозначностью выражений, а также применением специфической лексики, что обеспечивает эффективную коммуникацию между специалистами в области права. Институциональный дискурс проявляется в официальных документах, нормативных актах и публичных выступлениях, отличаясь формальностью, стандартизацией языковых средств и ориентацией на соблюдение правовых норм.

Анализ лингвистических особенностей данных видов дискурса позволяет лучше понять механизмы юридической коммуникации и способствует развитию методов их эффективного использования в образовательной, профессиональной и институциональной сферах. В целом, выявленные особенности подчеркивают важность учета специфики каждого типа дискурса для повышения качества юридической коммуникации и обеспечения ее соответствия требованиям правовой системы.

На основе стилостатистического расчета 128 параметров и отбора 44 индикаторов с высокой дискриминантной способностью были определены лингвистические характеристики, позволяющие разграничивать юридические дискурсы по формальным, когнитивным и прагматическим признакам. Среди них – CEFR-уровневая стратификация, лексическая плотность, нарративность, темпоральная маркированность, параметры повторяемости, падежное распределение, синтаксическая сложность и персонализация. Эти показатели легли в основу параметрической модели, обеспечивающей высокую степень дифференциации между дискурсивными модусами.

Формирование корпусной базы юридических текстов, стратифицированной по модусному признаку, включающей 13 учебников, профессиональный чат-дискурс и консультативный форум, обеспечило жанровую и статистическую репрезентативность материала. Метод сплошной выборки и унифицированной сегментации по объему и синтаксической целостности позволил создать структурно сопоставимые подкорпуса, служащие надежным эмпирическим основанием для анализа.

Проведенный стилостатистический анализ с использованием программного комплекса RuLingva позволил количественно описать распределение лингвистических признаков в каждом из модусов. Статистическая верификация различий по критерию Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) зафиксировала значимые расхождения по 43 из 44 параметров, что подтверждает наличие глубокой регистрово-функциональной гетерогенности юридической коммуникации и обосновывает актуальность многоуровневого подхода к ее лингвистическому моделированию.

Интерпретация полученных результатов на основе концептов когнитивной прагматики, медиалингвистики и юрислингвистики выявила три автономные модели лингвистического поведения: академический дискурс характеризуется иерархической концептуализацией и нормативно-дескриптивной направленностью; профессиональный – ситуативной динамикой и операциональной прагматикой; институционально-консультативный – адаптивной адресностью, медиативной функцией и экспликацией норм в диалогическом формате. Установлено, что каждая модель коррелирует с уровнем институционального контроля, коммуникативной ролеорганизацией и степенью цифровой модальности.

Перспективой дальнейшего исследования является включение в корпус новых жанров правовой коммуникации – судебных решений, экспертных заключений, медийных юридических блогов, что позволит уточнить регистровую карту современного юридического дискурса и проследить направления его лингвистической эволюции в условиях цифровой среды.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интерпретация текста. М.: Либроком, 2010.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Болотнова Н. С. Стилистика текста: Стилистика. Интерпретация. Анализ. М.: Флинта, 2017.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2020.
5. Гатиатуллина Г. М. Профессиональная коммуникация юриста: жанровая дифференциация и прагматическая направленность. Казань: Казан. ун-т, 2016.
6. Карасик М. Н., Скуратовская Ю. А. Категория дискурса в юридической лингвистике. Волгоград: Перемена, 2021.
7. Колесов В. В. Национальное и индивидуальное в языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
8. Лаптева О. А. Медиалингвистика и стилистика массовой коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2015.
9. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем. М.: URSS, 2010.
10. Синклер Дж. Корпус, сознание и текст: введение в когнитивную лингвистику. М.: URSS, 2021.
11. Чернейко Л. А. Статистические методы анализа текста. М.: Наука, 2013.
12. Шмелева Т. В. Метакоммуникация в социальных сетях // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: в 2 т. / под науч. ред. Н. Д. Голева; отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемерГУ, 2021. Т. 1.
13. Biber D. Variation Across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511621024>
14. Clark K. Discourse Structure and Anaphora. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
15. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
16. Flesch R. A new readability yardstick // Journal of Applied Psychology. 1948. Vol. 32. № 3. <https://doi.org/10.1037/h0057532>
17. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. L.: Longman, 1976.
18. Kincaid J. P., Fishburne R. P., Rogers R. L., Chissom B. S. Derivation of New Readability Formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease) for Navy Enlisted Personnel. Research Branch Report 8-75. Memphis: Naval Air Station, 1975. <https://doi.org/10.21236/ADA006655>
19. Kruskal W. H., Wallis W. A. Use of ranks in one-criterion variance analysis // Journal of the American Statistical Association. 1952. Vol. 47. № 260. <https://doi.org/10.1080/01621459.1952.10483441>

Информация об авторах | Author information

Гилязова Алиса Евгеньевна¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Alice Evgenievna Gilyazova¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

¹ alisa_rt@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.06.2025; опубликовано online (published online): 07.07.2025.

Ключевые слова (keywords): юридический дискурс; цифровая лингвистика; лексическая плотность; регистрово-функциональная стратификация; когнитивно-прагматическая специфика текста; legal discourse; digital linguistics; lexical density; register-functional stratification; cognitive-pragmatic specificity of text.